

DAUGAVPILS PEDAGOGISKĀ
UNIVERSITĀTE

VALODA – 2000

HUMANITĀRĀS FAKULTĀTES
X
ZINĀTNISKIE LASĪJUMI

FONĒTIKA, GRAMATIKA,
LEKSIKOLOĢIJA

2000

Выясняется как парадигматически, так и синтагматически, т.е. в процессе реализации единиц более низкого уровня в рамках единиц более высокого уровня [см. подробнее Шаднева 1999: 279–294].

При этом промежуточность и своего рода нейтральность математического нуля можно приписать и языковому нулю: он выступает именно как имплицитный языковой знак, а не эксплицитный, как считают некоторые лингвисты из числа признающих его знаком. В этих расхождении, по-видимому, проявляется та причудливость соотношения между понятиями знака и нуля, которую подметил Р. Якобсон (см. выше). Иными словами, эксплицитность всегда связана с сегментным знаком: звуковым рядом – в устной форме общения и буквенным рядом – в письменной. Имплицитность же может проявляться двояко: с одной стороны, как связанная с сегментными знаками разной природы (именно такой случай имплицитности представлен в частицах), с другой стороны, – как не связанная со звуко-буквенным рядом (языковой нуль).

Итак, в языке имплицитное, как и эксплицитное, существует реально, но существует не на поверхности, а как скрытый слой содержания, то есть постигается адресатом при помощи того, что адресантом выражено эксплицитно. Имплицитное, как опосредованная форма выражения мысли, рассматривается в единстве с вербализованными значениями в качестве производного от эксплицитного; и, следовательно, нельзя сказать, что эксплицитное имеет свое выражение, а имплицитное не имеет. Они оба имеют свое выражение, причем, именно языковое, но только разного рода: прямое, непосредственное, с одной стороны, и непрямое, опосредованное, с другой. В случае нуля эта опосредованность заключается в дискурсивных отношениях.

Нуль, выступая как подсобный, дополнительный для языка знак, придает речи глубину, многослойность, внутреннее богатство, делает ее более сжатой, экономной и содержательной. В этом и заключается значимость нулевого знака, выявленного лингвистикой XX века.

***

Вагдасарян В.Х. *Проблема имплицитного*. Ереван, 1983.

Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М., 1974.

Кондаков Н.И. *Логический словарь-справочник*. М., 1975.

Мельчук И.А. *О синтаксическом нуле. Типология пассивных конструкций. Диалекты и залог*. Л., 1974.

Сковородников А.П. *Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка*. Томск, 1981.

Шендельс Е.И. *Имплицитность в грамматике. Труды МПЛИИЯ им. М. Тореза*, вып. 112, 1977.

Шаднева В.П. Прагматический аспект имплицитных элементов. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика*. Новая серия, II, Тарту, 1999.

Якобсон Р. Нулевой знак. *Избранные работы*. М., 1985.

Summary

FROM THE ARSENAL OF XX CENTURY LINGUISTICS: THE ZERO SIGN

As an implicit meaning in a broad sense oversteps the limits of linguistics, the author suggests to distinguish three kinds of implicit meaning: a logic, a literary, and a linguistic one. One of the means of the latter is the zero sign. It is not represented by a sound or alphabet row in contrast to special linguistic segment means, but it can bear different variable meanings. The zero sign reformats as an additional sign and is the phenomena of XX century linguistics.

Тамара Леннгрэн

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ ДИАЛЕКТНОГО АРХИПЕЛАГА

Поисками продуктивных методов изучения лексики давно озабочены лексикологи разных школ и направлений. Краеугольным камнем остается эта проблема и для диалектологов: "[...] принципы описания диалектной лексики с расчетом на достаточную полноту (как в инвентарном, так и в территориальном аспекте) и одновременно – экономность еще мало разработаны" (Толстой, 1997:119). Наиболее проблематичным представляется изучение лексики в говорах переселенческих, развивающихся в иноязычном окружении. Именно проблеме описания лексики таких говоров посвящено мое сообщение, которое представляет собой фрагмент исследования лексического массива русского диалектного архипелага¹ на территории Украины.

¹ Под диалектным архипелагом здесь подразумевается совокупность всех островных говоров одного языка, функционирующих в иноязычном окружении на территории одного государства.

По ряду исторических причин в лингвистическом ландшафте Украины русские говоры занимают далеко не последнее место, но до сих пор четкого представления о русском диалектном архипелаге в украинском окружении нет. Хотя, конечно, есть исследования отдельных групп этих работ, как и в большинстве других, посвященных описанию отдельных переселенческих говоров, вслед за Л.И. Баранниковой (1977), учитываются соотношение двух факторов: интра- в экстралингвистических.

Такой подход оправдан при исследовании отдельных диалектных единиц, но при обращении к лексическому массиву всего диалектного архипелага учет только этих двух факторов становится недостаточным. Поэтому в этом исследовании пришлось, вслед за Н.И. Толстым (1997:225-226), "считаться с тремя видами явлений (факторов). Эти факторы: а) внутрilingвистические (интралингвистические), вызванные к действию самой структурой языка или диалекта, структурой того систем отгелельных уровней и т.п.; б) внешнелингвистические (экстерлингвистические), вызванные к действию столкновением или смешением различных языковых (диалектных) структур в результате языковой и диалектной норм и т.п., ведущие, в конечном итоге к изменению внутренней структуры языка; в) внешнелингвистические (экстралингвистические), находящиеся за пределами лингвистики, но так или иначе влияющие на структуру языка в целом или на отдельные его части, прежде всего лексическую".

Сказанное определило структуру этого сообщения: вначале будет предложена классификация этих говоров на основе краткого сообщения о русскоязычных островах на территории Украины и причинах их появления. Это прояснит, с одной стороны, генетические связи изучаемых говоров с материнскими и другими переселенческими говорами, а с другой – даст представление о современном языковом окружении. Затем последует представление лексического массива всего архипелага. Исследование проведено на основе магнитофонных записей, сделанных в полевых условиях на протяжении 1992-1997 гг. и дополненных рукописными и печатными материалами.

По статистическим данным на апрель 1997 население Украины насчитывает 50,8 млн.: 73% составляют украинцы, 22% – русские?

Численность представителей других национальностей – менее 1% каждый.

В настоящее время на территории Украины можно выделить пять основных русскоязычных островов:

- I. Русско-украинское пограничье протяженностью в 1576 км².
- II. Поселения локальной этнической группы горюнов в селе Линово и др. Сумской области⁴.
- III. Современные промышленные районы (Донецкая, Луганская, Харьковская и др. обл.), частично соприкасающиеся с территориями Слободской Украины (XVI – XVII вв.).
- IV. Населенные пункты, соприкасающиеся укрепительным сооружением:

- 1) Белгородская черта (1635-1653): Сумская обл.⁵;
- 2) Украинская оборонительная линия (1732-1742): Харьковская, Полтавская обл.;
- 3) Укрепление южных границ: Новороссия (вошла частями по четвёртым договорам с Турцией: 1739, 1774, 1791, 1812 гг.): Одесская, Херсонская, Николаевская, Измаильская (Буджак) обл.

V. Старообрядческие села: Одесская, Измаильская, Черновицкая (Буковина), Винницкая, Хмельницкая (Подолье), Житомирская, Киевская, Черниговская, Харьковская, Сумская обл.

По времени переселения выделяется три русскоязычных потока: ранний, XVI-XVII вв.; промежуточный, или средний, XVIII-XIX вв.; поздний XIX-XX вв.

Исторические данные переселения русскоязычного населения на территорию Украины находят отражение в генетических связях говоров переселенцев с говорами их исконных территорий. Здесь преобладают говоры южные, преимущественно курско-орловские, они распространены на юге и на территории Слободской Украины; среднерусские покровские акающие отмечены в Киевской и Житомирской обл.; черты северных говоров встречаются в Хмельницкой обл.

Характер и причины переселения определили и характер диалектной основы. Так, на юге и в районах Слободской Украины доминируют говоры с полидиалектной основой, поскольку переселение шло из

¹ Граница с Молдовой – 939 км; с Белоруссией – 891 км; с Румынией – 169+362 км; с Польшей – 428 км; с Венгрией – 103 км; со Словакией – 90 км.

⁴ Халанской считал, что это летописные горняне, которые жили по правобережью Днепра, а Мавродин и Рыбаков – что это остатки древних севярян, впитавших в себя потоки 16-18 вв.

⁵ А также Белгородская, Воронежская, Липецкая, Тамбовская обл. (совр. территории России).

разных областей России. Старообрядческие говоры более однородны, но вряд ли можно с уверенностью говорить об их монодиалектной основе. С большой осторожностью можно классифицировать как монодиалектные говоры "рыляков" и "тусяков" в Винницкой области.

С точки зрения характера окружающей языковой среды можно выделить говоры: поликонтактные (контакты с молдавским, украинским, болгарским языками; русским, украинским, белорусским и т.д.); биконтактные (русско-украинское пограничье); контактные (в украинском окружении).

С точки зрения "проницаемости" элементов контактирующих языков выделяется тоже три группы: активнопроницаемые (говоры неконтактные (говоры бесполовцев).

Нетрудно заметить, что перед нами довольно пестрый диалектный архипелаг, разمتнувшийся на территории 603 700 км², состоящий из огромного количества говоров разного происхождения, в разное время вошедших в иноязычном окружении.

Для описания этой разнородной массы оказывается недостаточным не только двух указанных выше факторов, но и известных в русской диалектологии понятий микро- и макросистемы. Поэтому здесь вводятся понятия микро- и макродиалектных единиц, при определении которых учитываются внутрисистемные, внешнесистемные и внелингвистические факторы.

Макродиалектная единица объединяет говоры, имеющие сходные характеристики всех трех факторов. Совокупность микродиалектных единиц в пределах одной региональной единицы образует макродиалектную единицу. В исследуемом архипелаге выделяется шесть макродиалектных единиц, которые приблизительно соответствуют территории: Харьковского, Винницкой, Житомирской, Хмельницкой, Одесской, Харьковской.

Теперь приступим к описанию лексического массива. Исходя из основных принципов, изложенных в работах D. Johnson (1987), G. Lakoff (1990), моделируется лексическая система каждой микродиалектной единицы, а затем каждой макродиалектной единицы. По образцу-схеме "ВМЕСТУДИПИШЕ" построение каждой модели ведется от центра (ядра) к периферии.

Выделяется 9 основных уровней, включая центр. Условно эти уровни могут быть представлены так: I - человек; II - одежда (обувь, украшения и т.д.); III - дом (и все, что входит в дом); IV - двор (все, что входит в крестьянский двор); V - поле (сад, огород, участок, поле); VI - приroda (дикая, за пределами уровня 'поле': лес, цветы, грибы...); VII -

пространство (ландшафт); VIII - время; IX - погода; X - нейтральный уровень, его образуют служебные слова.

Схематически эту систему можно было бы представить в виде входящих друг в друга десяти окружностей или кругов на воде, расходящихся от брошенного камня. Каждый уровень состоит из какого-то числа *n* подуровней. Между подуровнями и уровнями границы подвижны, как подвижна окружающая нас материя.

В основу моделирования уровней и подуровней кладется концепция когнитивной семантики "lexical network theory", согласно которой значения лексической единицы соотносятся сетевым образом. Такое соотношение слов объединяет, или удерживает, вместе то, что они мотивируются, определяются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта.

Путем последовательного объединения уровней всех макродиалектных единиц строится общая модель лексического массива. Всего (по предварительным наблюдениям) эта модель объединяет около 5150 слов, которые распределяются по уровням (в процентном соотношении) следующим образом: I - 26,3%; II - 9,5%; III - 21,5%; IV - 17%; V - 6,6%; VI - 8%; VII - 4,9%; VIII - 2%; IX - 1,6%; X - 2,5%. Таким образом, перед нами общая картина лексического массива всего диалектного архипелага.

Теперь пора посмотреть на отдельное слово в этой системе. Одним из наименее изученных и наиболее проблематичных пластов лексики русских говоров остается лексика общенародная. Особый интерес в состав литературного языка. Поскольку эти слова лишены необходимой экзотичности, они неоправданно долго оставались за пределами серьезных исследований интересов. Сейчас я кратко изложу результаты исследования многозначных общерусских слов, функционирующих в этих говорах: постарался установить механизм развития диалектных значений в структуре многозначного слова и предложить метод описания его семантической структуры.

В основу типологии таких многозначных слов кладется все та же концепция "lexical network theory". Для каждого исследуемого слова моделируется такая двухуровневая сеть: сначала заполняются ячейки значений, известных в литературном языке (I - уровень), затем - в говорах (II - уровень).

Как правило, в говорах первый уровень почти полностью покрывается вторым уровнем, так как общенародное слово обладает большейкумулятивной способностью в говорах, чем в литературном языке. Это происходит за счет сохранения в говорах старых, потерянных литера-

турным языком, значений и накопления и развития новых. Значит, обычно второй уровень имеет больше ячеек, чем первый. Второй уровень имеет несколько подуровней. Ячейки первого из этих подуровней представляют значениями, известными в материнских говорах, а ячейки последующих подуровней – значениями, известными в разных типах переселенческих говоров (микродиалектных единиц).

Для примера возьмем слово **ВЫВОДИТЬ**, известное как в литературном языке, так и в изучаемых говорах (здесь я приведу только сокращенный вариант, без указания всех значений и мест фиксации). Первый уровень состоит из пяти ячеек: 'удалить (машину из гаража)'; 'исключить из членов...'; 'перевести из одного психического состояния в другое'; 'истребить, уничтожить'; 'делать умозаключение'. В этих значениях это слово известно во всех исследованных говорах изучаемого архипелага, т. е. первый уровень для них актуален.

Второй уровень строится на основе значений этого слова, известных в материнских говорах, и сохранившихся в исследуемых. На этом уровне появляются различия, обусловленные разным тензическим происхождением говоров. Надиалектная модель второго уровня в этих говорах представлена 12 ячейками: 'проталкивать тропу', 'делать отверстие в потолке', 'петь', 'прорастать', 'рожать' и т. д.

Далее следуют подуровни. Так, например, в Сумской обл. это слово зафиксировано в значении 'токазывать невесту жениху во время сватовства', в Харьковской – 'лечить опухоль' (в Донецкой, Луганской, Кировоградской обл. в этом значении зафиксирован глагол *выливать*), в Николаевской – 'штукатурить углы, стены' и т. д.

Как мы видим, все значения этого слова представляют одну сеть, состоящую из отдельных участков, или ячеек. Эти ячейки, образуя одно целое, обладают разными семантическими потенциалами, так что для их описания требуются разные приемы.

Но, с другой стороны, большинство этих ячеек объединены эксплицитно выраженным признаком 'движение за ограниченный предел'. Поскольку определение значений в семантической структуре многозначного слова, содержащих пространственные отношения, вообще довольно трудны и часто не поддаются четким разграничениям, то в этом случае может быть уместно применение семантических диаграмм, построенных с использованием траектора и ориентира (Лапакет, 1987). Такой подход предусматривает необходимость видеть различие между смыслами в самом расположении ориентира в пространстве.

Обратим внимание на два примера. В литературном языке возможно сочетание *вывести лишай*, что значит то же самое, что 'вылечить кожу от лишая'. В говорах есть сочетание *вывести волос* 'вылечить опухоль'. Кажется бы, что различия в значениях этого слова в говоре и литературном языке нет, но на самом деле это не так. В первом случае

речь идет о медицинском вмешательстве, во втором – о заговоре, молитве, с одновременным использованием воды, колосьев и совершении определенных действий. Другими словами, слово *выводить* имеет разные фреймы в говоре и в литературном языке. Важным условием является то, что фреймы, как известно, не создаются в языке, а отражаются в нем. Во втором случае это слово употребляется в связи с ритуальными действиями.

Как утверждается в названной выше работе Д. Лейкоффа (Layoff, 1980), мы постоянно исполняем ритуалы. Н. И. Толстой выделял в каждом ритуале три регистра: вербальный (слово), реальный (предмет) и акциональный (действие).

При описании диалектных слов, входящих в сферу ритуала, оказывается плодотворным использование этих трех регистров. Об этом уже шла речь в одной из моих работ, где было описано слово *нодавать* / *нодавать* (Löppingen, 1997). Слова *выводить* и *выливать* в названном значении в разных говорах имеют один и тот же фрейм, отличный от литературного языка. Регистры ритуала, в котором они используются, полностью совпадают (вербальный – одна и та же молитва; реальный – вода, пучок связанных ячменных колосьев; акциональный – колосья прикладываются к большому месту и поливаются водой). Таким образом, вряд ли остается сомнения, что в данном случае глагол *выводить* в говорах и литературном языке имеет разные значения.

***

Баранникова Л. И., 1975. Говоры герриторий позднего заселения и проблема их классификации. *Вопросы языкознания*, № 2, с. 22–31.

Johnson M., Lakoff G., 1982. *Metaphor and communication*, Trier.

Lakoff G., Johnson M., 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago.

Lakoff G., 1990. The invariant hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? *Cognitive Linguistics*. V. 1. N 1.

Langacker, Ronald W., 1990 *Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin-New York.

Löppingen T., 1997. The Lexicon of Russian Old-Believers (based on material from Latgale and the Zlotimir area). *10thme Congress International des Linguistes*, Paris.

Русские говоры на Украине. 1982. Киев.

Толстой Н. И., 1997. Какой тип диалектного словаря нам нужен? *Избранные труды*. Том I М., с. 119–120.

– Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований. *Избранные труды*. Том I М., с. 223–242.

– 1983. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса. *Ареальные исследования в языкознании и этнографии*. Л., с. 181–190.

ON THE POSSIBILITIES OF DESCRIBING THE LEXICON OF 'ARCHIPELAGO' DIALECTS

In this paper I propose a classification of Russian dialects in the Ukraine, which also takes into account their genetic connections with the maternal dialect from which they originate. The study is based on recorded material gathered in 1992-97, supplemented with manuscripts and printed sources. I introduce the concept of "microdialectal unit", by which all extra- and intralinguistic features that constitute a certain dialect are understood. I build a model of the lexical system of every micro-unit, and then of every macro-unit. Each model is based on the scheme CONTAINER and the direction of its construction is from the center to the periphery. Nine levels, including the center, are distinguished. They can be labelled in the following way: 1. map; 2. clothing (also shoes, jewelry, etc.); 3. house (and everything in the house); 4. yard (and everything belonging to a country yard); 5. field (including garden and grounds); 6. nature (i. e. wild nature beyond the "field"; woods, flowers, mushroom); 7. space (landscape); 8. time; 9. weather. A separate, neutral level (10) is constituted by asemanitic words.

Мариола Якубович

ЗНАЧЕНИЕ ЭТИМОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМ, СВЯЗАННЫХ С ПСИХИЧЕСКИМ СОСТОЯНИЕМ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В последнее время в лингвистике много внимания уделяется проблеме концептуализации. Предметом исследований являются языковые единицы разного типа, в том числе такие, как словосочетания, семантические и словообразовательные дериваты. Наблюдая структуру языковой единицы, можно ответить на вопрос, какую ассоциацию вызывает переданное ею понятие. До сих пор таким исследованиям подвергались главным образом фразеологические единицы. Видное место занимает здесь теоретическое исследование единицы. Видное место на "Metaphors we live by". Согласно описанной там теории в процессе автоматизации доминируют метафоры, которые мы употребляем как будто пример, о дискуссии, мы употребляем те же слова, что и говоря о борьбе, напр., бороться, проигрывать, победить. Лексика, первично свя-

занная с войной, в метафорическом употреблении переходит в семантическое поле дискуссии. Это означает, что в нашем мышлении существует неосознанная связь между борьбой и дискуссией.

Подобная теория породила другие работы, посвященные разным семантическим полям. Одним из наиболее интересных представляется поле психических, в частности эмоциональных, состояний. Некоторые из них исследованы довольно полно, напр., чувство гнева или страха. Главным объектом этих исследований пока являются устойчивые словосочетания. Поэтому интересно рассмотреть данную проблему, сосредоточив внимание на отдельных словах. На основании как фразеологических сочетаний, так и лексических единиц можно объяснить первичную концептуализацию. Ключом к этому является семантическая мотивация лексических единиц.

Мы пытаемся установить, в какой мере для этих поисков важна этимология. Термин *этимология* можно трактовать как с чисто формальной, так и с семантической точки зрения. Обе точки зрения часто не совпадают. В соответствии с формальным подходом предметом этимологии являются лексемы, словообразовательно не мотивированные, лексемы, понятные с формальной точки зрения, — предмет изучения не этимологии, а словообразования. Однако желательнее включить в этимологические исследования и эти лексемы. Хотя их структура не вызывает проблем, их семантическая мотивация не совсем ясна.

В плане концептуальных исследований, которые посвящена и наша статья, бесспорно то, что эти слова являются промежуточным звеном между словообразованием и этимологией. В связи с этим в данной статье исследуются как слова, словообразовательно мотивированные, так и немотивированные, которые нуждаются в этимологическом анализе.

Прежде всего остановимся на единицах, словообразовательно понятных, образованных как путем семантической деривации и являющихся омонимами по отношению к мотивирующей основе, так и посредством словообразовательной деривации.

В зависимости от того, насколько структура анализируемой лексемы понятна современному носителю языка, мы выделим здесь три группы.

1. К первой группе относятся единицы, мотивация которых остается современной и отчетливой, это значит, что у говорящего активизируется ассоциация с основной мотивацией. Чаще всего такую ассоциацию вызывают стилистически отмеченные слова, напр., с шутливым оттенком, как пол. *zbaraniac* "остолбенеть" от *baran* "баран" или *rozinduszyc sie* от *induk* "индук", соответствующие рус. *распугаться* от *пуга*.